промышленникъ.

Гуляевъ, поручикъ Кирасирскаго Полка, поселеннаго въ новорусскомъ краѣ, сидѣлъ подъ-вечеръ съ трубкою у окна и глядълъ на широкую улицу. Насупротивъ него былъ очень-опрятныхъ, цѣлый рядъ выбъленныхъ домиковъ, СЪ желтыми обводами, отдъленными другъ отъ друга красивенькимъ заборомъ изъ сырцоваго кирпича, сложеннаго рѣшетку ВЪ продушинами; кровли соломенныя, гладкія, со стрѣхою въ обрубъ, отливали яркую желтизну на тъхъ мъстахъ, гдъ подновлены были недавно свѣжей соломой; легонькія ворота, трехъ сколоченныя поперечныхъ трехъ латвинъ на продольныхъ, придавали болѣе дворамъ сельскій видъ, украшаемый еще насаженною вдоль всей улицы просадью бълыхъ акацій. Дворы и улицы были чисто выметены и, по обширности своей, казались по-крайней-мъръ, пустыми; видать не было скотинки, ни поросёнка, НИ НИ дворовой птицы. Далѣе, за этимъ рядомъ хатъ, разстилалась степь, повидимому, такъ же выметенная, вычищенная и едва-ли не вылощенная — только рукою самой природы.

«Экая скука!» подумаль Гуляевь: «хоть бы какая-нибудь корова прошла; такъ бы приманилъ ее къ окну хлъбцомъ, да надълъ ей, для потъхи, пару старыхъ сапожищевъ на рога – такъ нътъ, это не у насъ, тутъ и коровы глядять буйволами. Давно не было писемъ отъ брата изъ Питера; что-то онъ подълываетъ? Да, онъ счастливъе меня: ему далъ Богъ и судьбу и дарованія; пописываетъ-себъ стишки – и правъ. И въ обществахъ хорошихъ бываетъ, И порядочными людьми знается; $\mathbf{a}$ одурвешь съ тоски: глушь такая, что ни одинъ шутъ сюда не заъдетъ... Что это? никакъ колокольчикъ? Видно, почта наша... да нътъ, ныньче вторникъ! Такъ, видно, къ полковнику... Вотъ тебѣ разъ, мужикъ прямо указаль на мою хату... такъ и есть, $\mathbf{q}_{\mathbf{To}}$ бы прямо сюда... значило? ЭТО

Почтовая перекладная пара, а въ телегъ какой-то молодчикъ въ венгеркъ...»

Молодчикъ этотъ ловко соскочилъ съ телеги, перевалившись бочкомъ грядку, и вошелъ въ комнату, спросивъ только мелькомъ и мимоходомъ деньщика передней: «А что, здѣсь поручикъ Гуляевъ?» Раскланявшись человъкомъ бывалымъ съ хозяиномъ вынувъ при этомъ, изъ въжливости, трубку свою изо рта, прівзжій извинялся причиненномъ безпокойствъ, сказалъ, что случай и обстоятельства завели его въ край этотъ, на чужбину, и что онъ, услышавъ о пребываніи здѣсь Ивановича Павла могь отказать себъ Гуляева, не удовольствіи посѣтить брата Александра Ивановича, съ которымъ онъ столько былъ коротко времени знакомъ Петербургъ, какъ товарищъ по призванію, по занятіямъ словесностью.

— Я также кой-что пописываль, продолжаль онь: — хотя и не смѣю равняться по достоинству съ братцемъ вашимъ; но онъ былъ всегда такъ добръ и

ласковъ ко мнѣ... о! онъ такъ меня любилъ и, бывало, часто говаривалъ: «Ну, Гриша, Богъ приведетъ тебѣ когда-нибудь встрѣтиться съ братомъ моимъ, то-есть, съ Павломъ — извините, еще онъ сказалъ съ Павлушей — то поди прямо къ нему, всеравно, что ко мнѣ: это такая жъ добрая душа...»

Гуляевъ хотълъ было обрадовать кинуться обнимать писателя и друга брата своего, Александра, но, какъ человъкъ вообще неторопливый, онъ подумалъ: «это еще не уйдеть, успѣемъ» и сталъ напередъ разспрашивать нежданнаго гостя своего, передъ нимъ, кой-какихъ стоя 0 подробностяхъ. Оказалось, что литераторъ этотъ пишетъ не подъ своимъ именемъ, и большею-частью лаже вовсе не подписывается подъ статьями, конечно, изъ скромности; но Гуляеву невольно пришелъ на умъ Хлестаковъ; оказалось также, что литераторъ Александра этотъ И другъ несовсѣмъ-твердо Гуляева знаетъ нъкоторыя обстоятельства, о которыхъ, однакожь, говорилъ не запинаясь, самымъ

положительнымъ образомъ; поручикъ уже осматривалъ его въ какомъ-то недоумѣніи съ головы до ногъ, какъ ямщикъ вошелъ и сталь просить настоятельно отпустить его. Литераторъ позамялся немного, а затъмъ вдругъ особенною любезностью СЪ обратился просьбой КЪ хозяину СЪ потрудиться заплатить за два съ него четвертью рубля, потому-что у путника не случилось мелочи: вся вышла.

подумалъ «A!» Гуляевъ: ≪теперь Онъ выслалъ ямщика понимаю». обратившись къ гостю своему, сказалъ: -Послушайте, вы немножко BO ошиблись: вы не съ того крыльца зашли и этимъ путемъ не успъете ни въ чемъ. Но если хотите, вы еще можете поправить дъло: сознайтесь мнъ на первый случай, что вы солгали все, что разсказывали; затъмъ, скажите мнъ въ трехъ словахъ всю правду, и тогда, хотя и не получите отъ ничего, но, все-равно, я вамъ дамъ тотчасъ же случай надуть здъсь другаго человъка. Но условіе мое: высказать всю правду; сверхъ-того, прикажу Я подать вамъ

вечеромъ стаканъ чаю, а вы мнѣ тогда разскажете, отъ скуки, похожденія свои, и къ ночи отправитесь далѣе.

Гость чрезвычайно обрадовался этому предложенію, но изъ врожденной скромности, только улыбнулся, потупивъ нѣсколько глаза, и сказалъ:

- Точно, вы правы; я виноватъ передъ вами.
- Ну, это моя правда, возразилъГуляевъ: а ваша гдѣ?
- Очень-долго разсказывать, отвѣчалъ тотъ: я, заѣхавъ сюда, сталъ освѣдомляться, нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей моихъ, услышалъ ваше прозваніе, заключилъ по отчеству, что вы братъ извѣстнаго писателя Гуляева...
  - Съ которымъ вы вовсе незнакомы?
- To-есть, извините, я, конечно, знаю его, но не такъ коротко...
- Неправда, сознайтесь, вы его вовсе не знаете?..
- To-есть, я дъйствительно не имълъ удовольствія бывать у него, не былъ ему

представленъ, ей-Богу, но я встръчалъ его въ обществъ...

— Довольно на первый случай, перебиль его Гуляевъ: — вы, однако, забываете уговоръ нашъ: говорить одну правду. Будьте же со мною откровенны, если желаете себъ добра. Увъряю васъ, не шутя, если вы еще разъ солжете мнъ, то мы съ вами простимся, и очень сухо и круто: я ужь такой человъкъ.

Землепроходецъ раскланивался, умильно улыбаясь, и извинялся.

- Эй! продолжалъ поручикъ: Степанъ, неси сюда, что есть поклажи въ телегъ. У васъ есть что-нибудь съ собой, въроятно? Да призови ямщика. Такъ денегъ у васъ нътъ ничего?
  - Ни копейки.
- Ну, коли вы заъхали сюда безъ какъ-нибудь конечно, денегъ, TO, спровадить васъ отсюда надо. Итакъ, я на первый случай заплачу ямщику, здѣсь свой — точемоданчикъ оставите есть, я, разумъется, посмотрю сперва, есть ли въ немъ что-нибудь; вы сами знаете,

случается, что въ такомъ чемоданѣ лежитъ для въсу, только клокъ сѣна, да, Потрудитесь раздълать кирпичика. васъ отправлю Потомъ Я КЪ доброму человъку и научу васъ, какъ у него добыть хоть немного денегъ. Между-Степанъ поставитъ самоваръ; воротившись, вы честно расплатитесь мною, потому-что НИ Я **3a** не побесъдуемъ, плательщикъ. Мы ВЫ потъшите меня своими похожденіями, а поъдете Вы куда затѣмъ дальше. собираетесь?

Пришлецъ пожалъ плечами и, не смѣя солгать, затруднился въ отвѣтѣ.

— Ну, это все-равно, продолжалъ поручикъ: — пожалуй, тогда вмѣстѣ посовѣтуемся, увидимъ.

Въ чемоданчикъ, къ удивленію поручика, нашлась новая пара платья тонкаго, чернаго сукна, двъ цвътныя жилетки, пара лаковыхъ сапоговъ, двъ пары разноцвътныхъ перчатокъ, двъ тонкія манишки, складная шляпа въ футляръ и не болъе трехъ или четырехъ штукъ бълья;

затъмъ, щеточка, гребенка, духи, помада, и нъсколько колодъ картъ.

- Однакожь, сказалъ Гуляевъ: у васъ тутъ щегольская пара съ полнымъ приборомъ?
- Да-съ, отвъчалъ тотъ: въдь порядочному человъку безъ этого нельзя; ныньче свътъ таковъ, что дълать! въ иномъ мъстъ, безъ этого, сами изволите знать, въ порядочный домъ не пустятъ... Прикажете мнъ одъться теперь?
- Нѣтъ, этого ненужно, не безпокойтесь: платье ваше до времени останется у меня, а къ пріятелю моему вы можете идти и въ венгеркѣ.

Землепроходецъ, какъ, въроятно, читатели уже замътили, сдълался чрезвычайно—скромнымъ; онъ молча слегка поклонился и съ веселымъ лицомъ ожидалъ дальнъйшихъ распоряженій своего обязательнаго и правдолюбиваго хозяина.

— Теперь, сказаль этоть: — идите къ прапорщику Левкадіеву: деньщикъ васъ къ нему проводитъ. Это нашъ полковой піита, въ которомъ бездна самолюбія и ни на

грошъ дарованія; но ему, послѣ многихъ тщательныхъ попытокъ, удалось напечатать въ одномъ изъ плохихъ журналовъ никуданегодные стишонки свои – такъ крайней-мфф полагаю, хоть я въ этомъ дълъ не знатокъ – и съ-тъхъ-поръ онъ подкатилъ разъ навсегда очи подъ лобъ и ходить какъ юродивый. Вамъ надо знать, что знаменитое стихотвореніе это, которое бъдному Левкадіеву послъднихъ крохъ ума, называется: Къ небосклону, но онъ его переименовалъ послѣ того въ Лиру поэта, прожужжаль всъмь намь уши этимъ новымъ заголовкомъ, и, во что бы ни стало, хочетъ напечатать его вторымъ изданіемъ, утъшенія читателей. вящшаго ДЛЯ Левкадіевъ, изволите видъть, хвалился еще вчера, что узнаетъ настоящаго поэта по первому взгляду, по рѣчамъ, по осанкѣ, по пріемамъ и походкѣ: пусть же онъ узнаетъ васъ. Желаю вамъ поставить западню свою на Левкадіева удачнъе, чъмъ на меня. Вотъ вамъ данныя; остальному, я полагаю, учить въроятно, съумвете ничего: васъ вы, найтись лучше меня.

- Понимаю, отвѣчалъ тотъ: и благодарю; стало-быть, вы дозволите мнѣ назваться именемъ вашего почтеннаго братца, пріѣхавшаго къ вамъ въ гости?
- Какъ такъ? О, да вы, какъ я вижу, далеко опередили всѣ мои предположенія! Васъ учить не только излишне, но даже опасно. Нѣтъ, почтеннѣйшій, ужь лучше оставьте вы моего брата въ покоѣ; вамъ легко будетъ придумать чье-нибудь другое имя, все-равно, лишь бы былъ извѣстный человѣкъ. Левкадіевъ всѣхъ ихъ знаетъ наперечетъ. Имя брата моего, сами видите, для васъ несчастливо: вы съ нимъ попались на первыхъ порахъ. Ну, съ Богомъ, идите, пора. Степанъ, укажи ему избу Левкадіева.

Гуляевъ походилъ съ трубкою взадъ и впередъ по комнатѣ, разсмѣялся про-себя вполголоса и сказалъ:

«Вотъ Богъ послалъ потѣху!» Онъ остановился передъ чемоданомъ. «И есть же такіе люди на свѣтѣ! Кого, прошу покорно, онъ не надуетъ? Вотъ все достояніе его, весь промыселъ и убѣжище; фракъ и жилетъ —рабочій, промышленный

снарядъ его, какъ у добраго плотника топоръ и долото; день пришелъ, такъ и ѣсть принесъ; день прошелъ — заботу унесъ. А чуть было не надулъ и меня; да нѣтъ, я по первымъ пріемамъ увидѣлъ, что дѣло нечисто, что потѣшникъ мой на одну ногу хромаетъ. Ничего дѣлать, дадимъ ему стаканъ чаю да побалагуримъ!»

— Степанъ, проси-ка ко мнѣ Ивана Петровича; сбѣгай проворнѣй, скажи, что туъ веселый гость пріѣхалъ и часика два пробудетъ; а воротившись, ты поставишь самоваръ.

Другой поручикъ, Иванъ Петровичъ, пришелъ, обрадованный нечаянностью этого важнаго событія, которое объщало пеструю страничку въ однообразной жизни. Гуляевъ сказалъ ему:

- Вотъ, братецъ, пройдоха пріѣхалъ, да какой! Послушаешь его... Да вотъ онъ ужь и идетъ! Ну, что, благополучно, что ли?
- Покорно васъ благодарю: десять цълковыхъ получилъ!
  - Какъ же вы разъиграли комедію?

- Да я назвался такимъ-то извъстнымъ писателемъ, сказалъ, что по дружбъ съ братомъ вашимъ...
- Опять-таки съ братомъ! Кой чортъ васъ мучитъ, что вы брата не можете оставить въ покоѣ!
- Помилуйте! нельзя же! Я только сказалъ, что, по дружбъ съ братомъ вашимъ, заѣхалъ по пути къ вамъ, узналъ случайно, что здъсь обитаетъ знаменитый Левкадіевъ, который «Небосклономъ» своимъ свелъ съ ума весь Петербургъ; при я, разумъется, прослезился, этомъ руками, просиль позволенія всплеснулъ обнять его и потомъ разсмотрѣть черты его хорошенько, и прочее. Ну, а тамъ пошло... Деньги я, по-несчастью, потерялъ и теперь нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ еще много извинялся, что теперь самъ не при деньгахъ, приглашалъ меня погостить у него, объдать завтра...
- Нътъ, почтеннъйшій, перебилъ его Гуляевъ: прошу не забывать нашего условія: вы ъдете сегодня, къ ночи.
  - Очень-хорошо-съ, какъ угодно.

- А что, сказалъ Гуляевъ, ощупывая безъ обиняковъ слегка карманы своего гостя: не соблазнились вы тамъ чѣмъ— нибудь, какою—нибудь бездѣлушкой? такъ вѣдь этого у насъ въ уговорѣ не было!
- Помилуйте, отвѣчалъ тотъ: за кого же вы меня принимаете?
- Ну, ну, ладно! возразилъ Гуляевъ: садитесь—ка, вотъ и товарищъ послушаетъ васъ; должно быть, поучительно и занимательно. Ну, разсказывайте; да чуръ не врать! Ей—Богу, поймаю на первомъ словъ и тогда поссоримся, и чаю не дамъ. Вамъ передъ нами чиниться ничего. Кто вы, какъ и что съ вами было, гдъ и чъмъ промышляли, и какъ сюда попали?
- $-\mathbf{R}$ воспитывался... ВЪ такомъ-то заведеніи, тотъ: – но началъ наклонностямъ къ простору своимъ никакъ не могъ ужиться. Много извели на меня голиковъ и наконецъ, еще до выпуска, уволили на подножный кормъ. Куда мнъ дъваться? Отца нътъ, мать изъ милости Тамбовомъ, гдѣ-то за живетъ закабалился въковъчнымъ канцелярскимъ

служителемъ – вотъ и всв! Не спорю, что я чистаго аттестата не заслуживаль; но куда же мнъ было дъваться съ такимъ, прописано было все почти съ такою же откровенностью, какой ВЫ вотъ требовать?.. изволите отъ меня поселился-было у одного полутоварища, вышедшаго еще до меня въ гражданскую службу, но онъ меня не сталъ держать. Прошатался я нѣсколько времени такъ, ночуя то въ разныхъ заведеніяхъ, то въ домѣ Вяземскаго, Полторацкаго, коли была гривна, для уплаты за ночлегъ; свелъ дружбу съ однимъ вольноотпущеннымъ, и туть только увидѣль, какъ хорошо люди живуть на счеть другихь, коли умфють: занимаясь ничъмъ, онъ върите ли. не бариномъ, даже держалъ истинно жилъ прекрасный рѣшился экипажъ! R попробовать заняться тъмъ же.

«Напередъ всего надо было одъться: это стоило мнъ большихъ трудовъ и опасностей. Я досталъ кой-какія вещицы, часики, табакерку, хорошую бронзовую лампу; но все это надо было сбыть. Мнъ

указали наконецъ портнаго, который, подъ залогъ вещей этихъ, одълъ меня прилично, принявъ къ себъ услуженіе ВЪ товарища, Литейной прійскалъ на квартиру прекрасную СЪ полнымъ устройствомъ отъ хозяина, И назвался богатымъ помъщикомъ, по-крайней-мъръ, наслѣдникомъ, который пріѣхалъ тяжебнымъ дъламъ своимъ. столицу по Рублей пятьдесять, собранные съ трудомъ, я роздаль туть же дворнику и прислугь въ домъ, чтобъ они прославляли богатство и тороватость мою. Первымъ слъдствіемъ этого было, что такъ-называемому слугъ отпускать всѣхъ изо стали окружныхъ лавокъ съъстные припасы на счеть; а вы сами согласитесь, что это не бездълица. Такимъ-образомъ МЫ нъсколько времени прекрасно; виноградъ и арбузы были у насъ ни почемъ, хоть и частенько не доставало мяса, котораго въ лавочкахъ нѣтъ, а до мясныхъ рядовъ слава наслѣдника, богатаго какъ распространялась. Когда я замфчалъ, что лавочники мои начинали сомнъваться, то я

пускалъ послѣднюю добытую копейку ребромъ, задаривалъ дворниковъ и отправлялъ ихъ въ лавочку прославлять имя мое; въ то же время я дѣлался вдвое взыскательнѣе относительно доставляемыхъ мнѣ съѣстныхъ припасов, браковалъ ихъ, отправлялъ обратно, требуя лучшаго и угрожая, въ противномъ случаѣ, что не стану брать больше здѣсь, а обращусь въ другую лавку.»

- Но вамъ все-таки необходимы были иногда деньги, хоть бы, напримъръ, для уплаты за квартиру, для покупки вещей, которыхъ нътъ въ лавочкъ: откуда жь вы ихъ добывали? спросилъ Гуляевъ.
- Это, въ такомъ положеніи, какъ я тогда былъ, не слишкомъ-трудно, хотя и хлопотно иногда, и притомъ въ-теченіе средства времени истощаются; такая добыча, мъстъ, сидя одномъ на непродолжительна: тутъ и тамъ начинаютъ догадываться и довъренность упадаеть; но Вопервыхъ, всегда легко. сначала ЭТО находишь людей — вы не судите по себъ у которыхъ можно призанять что-нибудь,

СЪ которыми онжом И другихъ, призаняться, то-есть, напустить на нихъ 52 разбойника и выковать за вечеръ чтонибудь на зеленомъ станкъ. Вовторыхъ, пріятели помощники которые мои, И большею приходили всегда СЪ осторожностью и подъ видомъ чиновниковъ ходаковъ по тяжбъ моей, подносили мнъ такъ-называемый клей, пріобрѣтенный ими товаръ, а у меня, какъ у наслѣдника, богатаго занимающаго прекрасную квартиру, никому не приходило въ голову искать вещей этихъ: онъ понемногу сбывались, и выручка дълилась пополамъ. Случилось мнѣ раза нападать въ трактирахъ на такихъ олуховъ, которыхъ, разумъется, подводили, которые проигрывали мнѣ въ вечеръ рублей. Но мнъ захотълось тысячи получить вдругъ поболѣе и ускользнуть куда-нибудь. Положеніе мое дѣлалось опаснымъ. Для в олоте осмотрѣлъ одномъ магазинъ **ЗОЛОТЫХЪ** товаровъ, часовъ и драгоцѣнныхъ камней на большую сумму, выбиралъ и прихотничалъ долго,

ПО заготовленному справляясь списку, совътуясь съ хозяиномъ и насказавъ ему, богатаго домѣ отца моего, помъщика, готовятся вдругъ три свадьбы, а мнѣ поручено здѣсь заготовить и отправить приданое и подарки, какъ женихамъ, такъ и невъстамъ... Изъ предосторожности, я даже заказалъ нѣкоторыя вещи съ вензелями и даль сто рублей задатку, прося оставить отобранныя вещи за мной. Въ назначенный мастеромъ срокъ я сказался больнымъ, просидѣлъ дня три дома И послалъ товарища своего ВЪ магазинъ просить, чтобъ вещи принесли ко мнъ на домъ, потому-что нездоровъ. Хозяинъ Я приходить; его встрѣтили двое слугь въ ливреяхъ, ВЪ заставили ввели залу, подождать съ четверть часа и провели ко мнъ въ кабинетъ. Я сидълъ въ креслахъ, обвязанный. Съ большимъ участіемъ разспрашивалъ нѣмецъ меня болѣзни 0 моей очень-очень сожалѣлъ. И былъ вообще разсмотрѣлъ вещи, ими доволенъ, возвратилъ ему только нъкоторыя бездълушки для передълки по

моему вкусу; МЫ свели счетъ, И Я, отомкнувъ шкатулку и порывшись тамъ, посмотрѣлъ немного, подумалъ разсчитывая календарь, вслухъ, когда долженъ быть отвътъ на письмо мое Тамбовъ, и сказалъ хозяину, что прійдется, на первой случай, унести вещи эти, потому-что я теперь отдать денегь не могу, а получу ихъ чрезъ пять дней, во вторникъ. «Хотите, такъ возьмите у меня, върности, еще цълковыхъ которыхъ у меня не было — въ задатокъ, а во вторникъ, послѣ полудня, приходите и получите приносите вещи: деньги непремѣнно». Разумѣется, онъ не принялъ чрезвычайно-въжливъ, былъ задатка, такой значительной покупкъ и радуясь комнатѣ, какъ-будто оглядываясь ПО разсматриваль, каково-то я живу, быль какъ-то въ неръшимости. У меня все было убрано такъ прилично, что я этого осмотра не боялся. Я позволиль и приказаль подать себъ и мастеру по чашкъ кофе. «Развъ продолжалъ когда кофе вотъ что≫ Я, подали: «я бы, пожалуй, предложилъ вамъ

взять съ меня заемное письмо, срокомъ на пять дней; но, впрочемъ, для меня это всеравно: лучше возьмите вещи свои и пріъзжайте во вторникъ».

«Мастеръ мой видимо былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи; не хотѣлось мнѣ, такому дорогому оказать покупщику, малъйшую недовърчивость, не хотълось также и нести цълую связку вещей опять домой, но и не ръшался онъ оставить. Извиняясь СЪ крайнею вѣжливостью, что онъ не можетъ отдать вещей этихъ изъ рукъ, не уплативъ въ то время постороннихъ мастеровъ нѣкоторыхъ хозяина **ВЗЯТЫХЪ** имъ каменьевъ, онъ завернулъ все, собралъ и, нерѣшительно раскланиваясь, еще спросиль: навърное ли я полагаю, получу деньги во вторникъ? Я увърилъ его только не настаивая, ВЪ этомъ, HO впрочемъ, на томъ, чтобъ онъ оставилъ товаръ, а, напротивъ, находя самъ, что принести вторникъ лучше его $\mathbf{BO}$ разсчитаться на наличныя деньги: «только забудьте Бога ради не исправить

замъченныя мною бездълушки» прибавилъ я, и, отпустивъ его, самъ не зналъ, что мнъ будетъ дълать съ нимъ, когда онъ прійдетъ во вторникъ.

«Нѣмецъ мой вышелъ въ раздумьи, а между-тъмъ, офиціанты МОИ дворники не зъвали: на бъду онъ вздумалъ посовътываться съ ними и разспрашивать обо мнъ: они насказали ему такихъ вещей, ту же минуту что онъ воротился, ВЪ просиль доложить о себь, и, вошедь ко мнь снова, принялся извиняться и просиль меня лучше оставить вещи у себя и дать ему заемное письмо на пять дней сроком. Маклера тотчасъ призвали, и въ полчаса дъло было кончено. Въ ту же ночь исчезъ – и квартиры, **ТИЧИКОХ** НИ НИ лавочники, ни нъмецъ мой, съ векселемъ на 16,000 руб. серебромъ, не видъли болъе въ глаза.

«Нанявъ двѣ маленькія квартирки и прописавъ не свой, а чужіе паспорты, я жилъ то на Охтѣ, то въ Галерной Гавани, проводя, впрочемъ, большую часть времени въ срединѣ города и не возвращаясь

никогда на ночлегъ домой, не развъдавъ черезъ лазутчиковъ предварительно надежности этого пріюта. Вещи сбываль я исподволь, съ большою осторожностью, и нъсколько мъсяцевъ жилъ-себъ бариномъ. Я довольствовался своей добычкой и не пускался во все это время ни на какія опасныя дъла; но запасъ мой истощился, не только потому, что я проживалъ иногда многонько, но и потому, что надобно было треть цѣны, да еще продавать все за дълиться съ другими и удълять часть на тѣхъ, у кого глаза нехороши, то-есть, вы понимаете, кто знаетъ много, но молчитъ и глядить сквозь пальцы, покуда это ему выгодно. Вотъ и пришла опять такая пора, что хоть волкомъ выть, и признаюсь въ своей неосмотрительности: это сдѣлалось какъ-то вдругъ, и на мнѣ остался одинъ только плохой сюртучишко. Какъ быть? Послѣ кой-какихъ попытокъ я вспомнилъ, что встрвчался въ одномъ порядочномъ домѣ съ молодымъ художникомъ, который показался мнъ добрымъ и довърчивымъ. Я вспомнилъ также, что онъ показывалъ тамъ

картину свою и цѣнилъ ее въ пятьсотъ рублей. Отправляюсь къ нему, нанявъ для этого коляску, за которую ничъмъ было заплатить, и говорю, что услужить: князь какой-то желаеть купить картину его, о которой отъ меня слышалъ, и безъ всякаго сомнънія дастъ пятьсотъ рублей. Онъ съ радостью отдаетъ мнѣ ее, завернувъ въ простыню, и мы уставили ее въ коляску; здѣсь только я взглянуль на себя и сказаль художнику: «Послушайте, вы одного роста со мною, дайте мнъ, пожалуйста, фракъ вашъ: вы видите, въ какомъ я неблагообразомъ видъ; чрезъ часъ возвращусь съ деньгами отдамъ вамъ фракъ». Разумъется, что онъ мнъ въ могъ отказать, и извинялся этомъ не только, что и у него фракъ несовсъмъхорошъ. «Ничего» сказалъ я: «все-таки въ немъ приличнъе ъхать къ князю, чъмъ въ моемъ сюртукъ». Я прямо отправился въ заведеніе храненія громоздскихъ движимостей получилъ подъ И залогъ картины сто рублей. Но мною уже **3a** слѣдили; розъиски по прежнимъ дѣламъ

возобновились, узнали, что я въ городѣ — и настала пора проститься съ Петербургомъ. Я вышелъ изъ Московской Заставы пѣшкомъ, составивъ напередъ планъ для нескончаемаго похода своего.

«Товарищи мои, однокашники, были разсыпаны по всей Россіи, и Я увъренъ, что нътъ полка, ни батальйона, не нашлось ихъ нѣсколько человъкъ. Итакъ, я направилъ путь свой, разными извилинами, отъ съвера на югъ, предположивъ идти все мъстами расположенія войскъ, начиная новгородскихъ поселеній. Такъ сдълалъ, и, спасибо, вездъ находилъ кусокъ хлѣба и хоть на сутки пріютъ, да, сверхъ-того, передавали меня пересылали съ рукъ на руки то на своихъ лошадкахъ, подводахъ, TO на записочкахъ, изъ полка въ полкъ, батальйона въ батальйонъ. Я разсказывалъ, что, послѣ постигшихъ меня бѣдствій, иду домой, за наслъдствомъ, и даже сочинилъ себъ нѣсколько самъ къ писемъ, увъдомленіемъ объ ЭТОМЪ И вызовомъ

на мъсто. Гдъ встръчалъ поспѣшить разгульную компанію, тамъ перекидывалъ иногда направо, налѣво; гдѣ случалось по пути ярмарка или иной съвздъ, подстерегалъ матушкиныхъ олуховъ да сынковъ; такимъ образомъ, я прошелъ и зубчатымъ проѣхалъ путемъ пространство Петербурга, отъ чрезъ новгородскія поселенія, войска, расположенныя вокругь Москвы, тамъ на Курскъ, Воронежъ, потомъ направо Харьковъ, и наконецъ, вотъ, благополучно добрался до васъ.»

- Разскажите жь что-нибудь, сказалъ Гуляевъ: о замъчательнъйшихъ похожденіяхъ вашихъ на этомъ пути: въдь вы проъхали слишкомъ двъ тысячи верстъ!
- Да что жь вамъ разсказать? Вотъ, напримъръ, въ одномъ полку удалось мнъ славно попировать съ недълю, и на рукахъ меня носили, потому—что полковникъ считаетъ себя литераторомъ онъ, въ чинъ прапорщика, пописывалъ стишки и сильно покровительствуетъ своимъ братьямъ, писателямъ, а я, разузнавъ это,

полкъ Рахманнымъ, то-есть, явился въ объявилъ, что это я пишу подъ ЭТИМЪ именемъ; раза три пили мое здоровье шампанскимъ. Случалось раза проъздомъ въ деревнъ, назваться лъкаремъ чувствительную принять ДЛЯ благодарность помъщика, у котораго спасъ отъ смерти дочь или жену. Сходило съ рукъ; а съ ногъ – какъ говорится, хоть собаки тащи. Къ старухамъ-хозяйкамъ и скопидомкамъ я какъ-то особенно удачно меня любятъ, подъѣзжаю, И онъ времени, Hy, безъ ума. **ДОЛГО** не засиживаешься, разумъется: чуть сметишь, что дъло немножко-неладно, то и дальше. Для хозяекъ этихъ у меня всегда готовъ запасъ разныхъ секретовъ, и что больше врешь имъ, то онъ тебя дороже цънятъ. Небольшая сноровка только нужна туть, чтобъ не вздумали повърить тебя на дълъ, либо самого заставить сдълать опыть: прівхаль зимой, такъ толкуй о льтнемъ хозяйствъ, а лътомъ о зимнемъ; вотъ она себъ И записывай, сколько хочетъ, переспрашивай хоть двадцать разъ.

«Удалось мнѣ одну хорошу ШТУКУ выкинуть проъздомъ въ Курской Губерніи, подъ Фатежемъ. Тутъ жила порядочная помъщица, о которой я зналъ кой-какія подробности чрезъ племянника ея, который воспитывался со мною вмъстъ, былъ, какъ видно, любимцемъ ея, даже надъялся быть современемъ наслѣдникомъ, а между-тѣмъ попалъ невзначай въ сибирскіе линъйные батальйоны. Отправлялся онъ туда мнѣ, прямо изъ Питера, а изъ дома отданъ десятому году: ПО такъ если разсчиталъ, онъ только что ВЪ послъдніе четыре года не бываль у тётки, то она его почти не можетъ знать въ лицо; а мы были съ нимъ, хоть не то, чтобъ похожи другъ на друга, да оба довольно-смуглы. Надобно вамъ сказать, что я въ это время быль въ самомъ отчаянномъ положеніи, отдаленіи безъ гроша денегъ, ВЪ расположенія войскъ, и сидълъ верстъ за восемьдесять оть Фатежа, не зная, какими способами подвинуться хоть туда, хоть какую-нибудь сторону. Вотъ, сюда, въ вспомнивъ о тёткъ этой, я сталъ о ней

разспрашивать, но могъ узнать только, что она еще жива и точно живетъ въ своей деревнъ. Нанимаю извощика прямо туда, съ тъмъ, чтобъ расплатиться на мъстъ, выъхавъ рано утромъ, поспълъ какъ-разъ деревенскому чаю. сосъдней Въ деревушкѣ удалось еще-таки мнѣ разспросить двороваго человъка и узнать отъ него кой-какія подробности, названныхъ напримъръ, имена моихъ, а также, что племянника съ-тъхъпоръ, какъ увезли его въ Питеръ, дома не бывало. Прівзжаю: домишко старенькій, но жить можно; хлъба на гумнахъ довольно а это лучшая примъта для голоднаго. Я соскочиль, прибодрился, пошель смѣло, да прямо, напроломъ, и встрѣчную чумичку сбиль-было съ ногъ; тётушка сидить съ дочерьми чаемъ; **3a** Я какъ взвою: «Тётушка! узнали ль вы бѣднаго Алёшу?» такъ-таки гирей ей шею да на Удивленіе, привъсился. радость, разспросы — перецаловалъ и перемиловалъ разъ по десяти сестрицъ, а у тётушки все ручки цалую. Она старуха земли

собою не слышить, свъту не взвидъла отъ радости; весь домъ коромысломъ поднялся, чтобъ угостить любимаго племянника; и въ этотъ и на другой день, то вечеромъ къ огню меня подводять, то днемъ къ свъту, разсматриваютъ и находятъ, что, конечно, много я измънился въ двънадцать лътъ, но что узнать еще можно, похожъ на мать... и на отца похожъ... нътъ, особенно похожъ на покойную бабушку!

«Словомъ, разсказавъ похожденія свои, и какъ меня понапрасну обидъли, какъ я пострадалъ товарища, котораго **3a** не хотѣлъ выдать, И **3a** ЭТО попалъ ВЪ линъйные батальйоны, какъ я горе мыкалъ, терпълъ нужду, вспоминалъ день и ночь любезную тётушку и милыхъ сестрицъ, наконецъ, какъ, отличіемъ своимъ предъ начальствомъ загладилъ мнимый свой, проступокъ произведенъ ВЪ подпоручики, отставку, вышелъ ВЪ прі таль за тётушкинымъ благословеніемъ, и прочее, а теперь ѣду вновь на службу въ конницу – я такъ разжалобилъ слезливую тётушку и милыхъ сестрицъ, которыхъ

желалъ бы цаловать весь свой вѣкъ, что прожилъ двѣ недѣли какъ въ раю, и жилъ бы, можетъ-быть, тамъ еще понынѣ, кабы не проклятое письмо отъ настоящаго племянника, присланное изъ Омска... Вотъ некстати человѣкъ расписался! Отовравшись кой-какъ, что я же самъ и писалъ письмо это, я, однакожь, видѣлъ, что не могъ ничѣмъ успокоить тревожнаго сомнѣнья тётушки, которая рѣшительно стала въ-тупикъ.

«Въ-самомъ-дѣлѣ, старушка СЪ дочерьми, какъ теперь вспомню, была поставлена въ самое странное положеніе: трудно было върить мнъ, послъ всъхъ моихъ, несогласныхъ разсказовъ содержаніемъ письма, на которомъ было выставлено такое число, въ какое я, по разсказамъ своимъ, былъ въ Петербургъ; притомъ племянникъ ни слова не писалъ отставкъ, объ просилъ, напротивъ, a прислать ему денегь въ Омскъ; а междутъмъ, какъ же и не повърить человъку, который самъ на-лицо, обжился уже въ домѣ у тётушки, на ты и ты съ сестрицами своими, разсказываетъ многія подробности своего дѣтства, хотя въ этомъ отношеніи память у него оказалась и нѣсколько—слабою, да коли онъ, сверхъ всего, этого самъ пріѣхалъ, отъискалъ тётушку въ захолустьѣ и даже похожъ на отца и мать и покойную бабушку?...»

- Чѣмъ же все это кончилось? спросилъ поручикъ.
- кончилось, отвъчалъ — Да тѣмъ И благополучно землепроходецъ: – что Я убрался, уъхалъ. Признавъ полезнымъ за добра-ума убраться, я простился $\mathbf{co}$ слезами, снабженный подорожниками печеньями разныхъ родовъ, небольшими нѣжными деньжонками, поцалуями И милыхъ сестрицъ... Какъ у нихъ дѣло развязалось – не знаю; я объщалъ опять черезъ полгодика, но, видно, прівхать подождуть и подолве.
- Куда жь вы теперь собираетесь, честной господинъ? спросилъ Гуляевъ. Гость признался, что онъ еще и самъ этого не знаетъ, а полагалъ ѣхать туда, куда ктонибудь изъ господъ поручиковъ дастъ ему

письмо. Оба захохотали, а Гуляевъ, вставъ и выколачивая трубку свою, сказалъ: – не на тётушку вы туть напали, почтеннъйшій: туть сами съ усами. Я вамъ далъ понадутъ, шутокъ, нашего шута И, объщаннаго стакана чаю, попотчивалъ васъ еще трубкой табаку; ночь на дворъ, ъхать пора, спасибо за потъху – и прощайте. А куда вы поъдете, успъете когда вывезутъ надуматься, васъ заставу. Эй, Степанъ! вели подавать лошадей этого барина; да сънца подложить телегу, чтобъ можно было ВЪ ему вздремнуть.

Гость вздохнулъ, молча всталъ, улыбаясь раскланялся, благодарилъ И, телегу, обратился садясь ВЪ КЪ проводившему его до крыльца Гуляеву, сказавъ: «Ну, поручикъ, признаюсь, я еще такого человъка, какъ вы, не встръчалъ. Что еслибъ вы пошли... еслибъ судьба повела васъ по той дорогъ, по которой я пошелъ — вы ушли бы далеко!»